

СОЦИОЛОГИЯ

М.М. Шахбанова

**ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЯЗЫКОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Прежде чем изложить состояние миноритарных языков в республике представляется необходимым сделать исторический экскурс по причине того, что в настоящее время статус национальных языков не только малочисленных, но и крупных дагестанских народов вызывает большую тревогу у специалистов. Как известно, в дореволюционный период образование и обучение в республике было сосредоточено в руках духовенства, главной задачей которых являлось обучение Корану и религиозным знаниям, т.е. народное образование в Дагестане было представлено, в основном, примечетскими школами (мектебы, медресе) (См.: *Каймаразов Г.Ш.*, 1971. С. 58–59; *Сергеева Г.А.*, 1967. С. 167).

В вопросах развития культуры важное значение имеет язык. По Конституции ДАССР в 1937 г. официальными языками в Дагестане помимо русского были признаны 9 языков наиболее крупных народностей. Остальные народности, насчитывающие всего несколько тысяч человек (а их больше 15), пользовались одним из признанных языков, в зависимости от языкового родства и территориальной близости, например, андийцы и ботлихцы – аварским, кубачинцы – даргинским и т.д. Создание письменности для каждого из малых народов затруднялось их малочисленностью, так как большинство из них являлось носителем языка одного или нескольких небольших селений. Помимо этого наличие в Дагестане большого числа языков с особой письменностью могло бы явиться тормозом хозяйственного и культурного развития народов.

Исследователи рубежа XIX–XX вв. отмечали значительные различия в фонетике, лексике, морфологии разных диалектов аварского языка. Еще более дробным было этнолингвистическое деление андо-цезских народов, включавших в 1926 г. 40632 жителя 207 аулов. Перепись 1926 г. отметила среди них 8 андийских и 4 цезских народов (См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Северо-Кавказский край. 1926. С. 18). Подобно аварцам, наиболее крупные из андо-цезских народов, в свою очередь, распались на одно- и многоаульные диалектные группы. Так, у андийцев были верхние и нижние говоры, у ахвахцев – северный и южный диалекты, у каратинцев – тукитинский и несколько одноаульных говоров, у багвалинцев – 3 двуаульных диалекта, у чамалинцев – 4 говора, у цезов – сагадинское и цезское наречия, причем последнее распалось на 5 более мелких одноаульных говоров, у бежтинцев – 3, у хваршин – 2 одноаульных диалекта. Наиболее значительные различия были между диалектами цезских языков (Красная книга языков народов России: энциклопедия. Словарь-справочник. 1994. С. 16, 17, 18, 30, 61, 63, 64).

В послереволюционный период в Дагестане актуализируется проблема определения языка межнационального общения и внутри партийного руководства республики отсутствовало единое мнение по данному вопросу. А. Тахо-Годи отмечал, что «к национальным языкам относились не как к фактам, с которыми нужно начинать строительство, а как к злу, от которого надо как-нибудь отделаться» (Революция и национальность. 1930. № 2. С. 72). По мнению Н. Самурского, «нам надлежит выдвинуть, как разрешение языкового вопроса в Дагестане – замену всех языков двумя – тюркским и русским, с тенденцией на постепенное вымирание местных наречий» (*Самурский Н.*, 1927. С. 32). Эту же позицию он изложил на пленуме Дагестанского областного комитета партии: «Не исключена возможность в конечном итоге, что мы будем иметь только два языка – тюркский и русский, а, может быть, и один русский. Поэтому... нам не следует увлекаться культивированием мелких наречий, их у нас 36, а, может быть, и больше» (Цит. по: *Гаджиев А.С.*, 1981. С. 152).

Этнографы, занимавшиеся изучением малочисленных народов республики отмечали, что в начале 30-х гг. XX столетия этнолингвистическая ситуация в отношении аварского языка была иной. Представители ряда малочисленных народов, особенно женщины, а также часть мужчин дидойцев, генухцев, гунзибцев, хваршин, тиндалов знали аварский язык слабо или совсем его не знали. Другие – багулалы, чамалалы, бежитины знали несколько больше, а ахвахцы и каратинцы владели им поголовно и достаточно свободно. Подобная ситуация объяснялась спецификой

традиционного хозяйства и торгово-экономических связей. К началу 50-х годов знание аварского повсеместно повысилось (*Ибрагимов М-Р., Лугуев С., 1995. С. 79*).

Этноязыковые проблемы были актуализированы еще с середины прошлого столетия, когда в республике развернулась дискуссия о языке обучения в национальных школах. Вопрос, на каком языке вести обучение, становится значимым не только для малочисленных народов. О необходимости полного перевода обучения в национальных школах на русский язык заявляли и представители крупных дагестанских народов, с мотивацией, что слабое знание русского языка учащимися не позволяет им в дальнейшем в полной мере приобщиться к знаниям, препятствуя тем самым высокому культурному и экономическому развитию дагестанских народов. Предложения были радикальными вплоть до предложений сделать родной язык одним из предметов обучения, а русский – язык, на котором будут вести все обучение.

Особенно актуальным вопрос обучения являлся для малочисленных этносов, язык которых являлся бесписьменным. В 1955 г. директор Дагестанской областной партшколы А. Магомаев обращается в бюро Дагобкома КПСС с просьбой обсудить вопросы развития андо-дидойской группы народностей Дагестана, в частности, вопрос об изменении языка обучения в начальных школах Ботлихского и Цумадинского районов, где преподавание в начальных классах всех типов школ велось на аварском языке, русский язык преподавался как предмет, а с 5 класса все обучение велось на русском языке, аварский же язык преподавался как предмет. Причиной такого подхода являлось то, что аварский язык для андо-цезской этнической общности является таким же непонятным, как и всякий другой язык.

Уровень владения как аварским, так и русским языком оставался низким даже после окончания десятилетки, что не позволяло выпускникам в дальнейшем продолжать учебу в средних специальных учебных заведениях и вузах. Нерешенность вопроса о языке преподавания в школах сдерживало экономическое и культурное развитие андо-дидойской народностей, которые являлись наиболее отсталой частью населения Дагестана. Причиной отставания является то, что вопросами экономики и культуры андо-дидойцев обком КПСС и Совет Министров специально ни разу не занимались, что неверно, поскольку эта многочисленная группа имеет свои особенности и специфические черты. Она должна быть выделена, – чтобы фактически уравнивать ее с другими (Цит. по: *Гаджиев А.С., 1981. С. 253*).

В целях ускорения культурного развития андо-дидойской группы народностей считалось целесообразным отменить преподавание аварского языка как родного в начальных, семилетних и средних школах у этой группы народностей, ввести в них преподавание всех дисциплин на русском языке, начиная с первого года обучения. Для разрешения сложившейся языковой ситуации была образована специальная комиссия и поручено Министерству просвещения ДАССР «изучить вопрос о языке обучения учащихся в начальных школах Ботлихского района, где аварский язык не является родным языком учащихся».

Активное участие в обсуждении языковой проблемы принял Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, который выступил против перевода андийских школ на русский язык обучения в начальных классах, ибо «консолидация аваро-андо-дидойской группы языков является классическим примером консолидации в одну социалистическую нацию», соответственно, введение русского языка в начальных классах оказало бы отрицательное влияние на консолидацию андо-дидойской групп народностей вокруг аварцев. Предложение А. Магомаева о преподавании русского языка с первого года обучения с целью ликвидации фактического отставания андо-дидойской группы народностей в культурном развитии и приобщении их к достижениям научно-технической революции было расценено как желание устранить аварский язык и обособить андо-дидойскую группу. 11 января 1957 г. Дагобком КПСС на бюро счел «нецелесообразным изменение языка обучения в начальной школе с составом учащихся андо-дидойской группы народностей Дагестана» (*Гаджиев А.С., 1981. С. 253*).

Практически во всех обращениях того периода обращает на себя внимание то, что их авторы подчеркивали, что аварский язык для малочисленных народов включенных в состав аварцев, не является родным, соответственно, нет необходимости его изучать и вести на нем обучение. Надо отметить, что такая тенденция сохраняется и в настоящее время в позициях андо-цезских народов. В интервью респонденты отмечали, что аварский язык для них не является родным языком, причем его изучение в школах для учеников сопровождается определенными трудностями и сложностями. Неоднократно подчеркивалось, что нет необходимости обучать детей в школе аварскому языку с мотивацией сложности в процессе обучения: «Для наших детей учить аварский язык то же самое, что учить английский язык», «Аварский язык не родной и мы им мало

пользуемся, если не выезжаем за пределы своего района», «В школе я учил (-а) аварский язык, но сейчас начал (-а) забывать его». Таким образом, мы можем наблюдать существование в массовом сознании опрошенных различных позиций – от положительной до безразличной. В данной связи совершенно справедливо мнение Б.Х. Бгажнокова, что «родные языки сузили сферу своего распространения до размеров семьи. Но процесс постепенного вытеснения продолжается и на этом уровне. Даже... «благополучные» языки... являются не столько органичной частью культурной самоорганизации личности и общества, сколько реликтом традиционного образа жизни. Языки малых народов России лишены устремленности в будущее, реальной духовной перспективы, нацеленности на развитие, на освоение и переработку постоянно меняющейся информации. Обучение родному языку в школах, колледжах, училищах, вузах либо вовсе не ведется, либо ведется формально, крайне неудовлетворительно. В результате такого «обучения» редко кто приобретает хорошие навыки чтения, письма или устной речи на родном языке. В высших учебных заведениях не готовят полноценных преподавателей родных языков, считая это ненужным или третьестепенным делом. Несовершенна сама программа подготовки специалистов по родному языку» (Бгажноков Б. Х., Шогенов А. А., 2000. С. 102).

В 1994 г., обеспокоенные судьбами языков малочисленных народов, численность которых не превышает 50 тыс. чел., сотрудники Института народов России Министерства РФ по делам национальностей и региональной политике выпустили «Красную книгу языков народов России», за основу которой были взяты именно языки малочисленных народов Дагестана из официального «Перечня коренных малочисленных народов РФ». В нее были включены 20 исчезающих дагестанских языков (агульский, андийский, арчинский, ахвахский, бежтинский, ботлихский, гехульский, годоберинский, гунзибский, кайтагский, каратинский, багвалинский, кубачинский, рутульский, тиндинский, хваршинский, цахурский, цезский, чамалинский и язык горских евреев (татов).

Авторы «Красной книги» основывались на Европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств, принятой в качестве конвенции Комитетом Министров Совета Европы на 478-м заседании (25 июня 1992 г.) и обязывающей государства-члены Совета Европы, а также страны, которые собираются в него вступать, соблюдать декларируемые Хартией языковые права национальных меньшинств. 10 марта 2001 г. Россия присоединилась к странам, подписавшим Хартию, но до сих пор ее не ратифицировала.

Исследователи отмечают, что титульные языки в России защищены «иное дело так называемые младо- и новописьменные языки (в России таких языков 20), или языки с прерванной и относительно недавно возобновленной традицией письменности (8 языков), и наконец, бесписьменные языки, которых по данным российских социолингвистов, только в Дагестане насчитывается более двадцати. Большинство языков этой группы, которую предлагаю условно называть, *языками с ослабленной инфраструктурой поддержки*, не используются в качестве языка обучения в школьном образовании, а некоторые из них преподаются лишь как факультатив. Бесписьменные же языки не преподаются вовсе, или преподаются в школах факультативно» (Соколовский С.В., 2010. С. 98).

Минрегион РФ (2009 г.) начал реализацию в регионах России программы Еврокомиссии и Совета Европы с бюджетом в 2,75 млн. евро по поддержке национальных меньшинств и их языков. В рамках программы «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» предлагалось до 2011 г. провести анализ правового положения национальных меньшинств в России, подготовить рекомендации российским властям с целью обеспечения стандартов Совета Европы и содействия ратификации Россией Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств. А. Журавский отметил: «Мы выбрали три пилотных региона. Дагестан – здесь мы исходим из того, что защита 14 республиканских языков – это большой опыт, который необходимо изучить...» (<http://bujet.ru/article/58796.php>).

Институтом языка, литературы и искусства ДНЦ РАН при финансовой поддержке Института эволюционной антропологии имени Макса Планка (г. Лейпциг, Германия) в общей сложности выпущено 12 словарей бесписьменных языков дагестанских народов. По мнению лингвистов, «в Дагестане необходимо принятие комплексного Закона «О языках народов Дагестана» и соответствующей программы «О сохранении и развитии языков народов Дагестана»... возможен и иной путь: создание комплексной программы на основе интеграции программ по отдельным языкам Дагестана. С учетом этого второго подхода были подготовлены проекты программ «Развитие и функционирование языков народов Дагестана». Проблема этнолингвоэкологии малочисленных народов должна стать одной из самых насущных при реализации федеральной

Государственной программы по сохранению и развитию языков народов Дагестана. Ведь сохранение языков – задача государственной важности» (<http://www.tsumada.ru/en/text/143>).

Открывая своим предисловием серию книг «Бесписьменные языки Дагестана» Г.Г. Гамзатов отмечает: «осуществляя широко поставленную словарную работу по дагестанским бесписьменным языкам, исходим из сознания того, что фиксация и осмысление исконной и заимствованной лексики языка, не наделенной письменной памятью, консервация и сохранение для потомков этого уникального пока еще живого опыта человеческого деяния и народного мышления – дело, безусловно, громадной научной значимости и, вместе с тем, во всех отношениях глубоко нравственное и в высшей степени благородное и благодарное» (Гамзатов Г.Г., 2001. С. 11). А пока же стоило бы поведать в школах, техникумах, университетах и академиях, на страницах дагестанских, кавказских, российских и международных СМИ, в том числе, по радио и телевидению о культуре, языках и жизни бесписьменных народов Дагестана без политизации этой проблемы. И не стоит обеднять и ущемлять людей из числа бесписьменных народов, принуждая соотносить себя только с одной нацией. А ведь у многих дагестанцев исторически сложилось врожденное двуязычие и даже триязычие, а значит и двухэтничность, и трехэтничность. Дагестан интересен человечеству и своим многоязычием тоже. С потерей языков Дагестан теряет свою уникальность в мировом сообществе народов (<http://www.tsumada.ru/en/text/143>). Исследуя арчинцев, Н.Р. Добрушина отмечает: «Для арчинцев, не обнаруживающих признаков утраты родного языка, характерны многоязычие (подавляющее большинство взрослых арчинцев свободно говорит на арчинском, аварском и русском языках) и полиэтничность – в XX в. они были записаны аварцами» (Добрушина Н.Р., 2008. С. 77).

К сожалению, в выступлениях многих ученых и специалистов по вопросам национальной политики мало конкретных предложений. Зато преобладают пожелания либо усилить линию на формирование общедагестанской идентичности, либо, наоборот, больше внимания уделять развитию национальных культур, сохранению их самобытности в условиях глобализации и интернационализации общественной жизни. Неслучайно в постсоветский период активизировались отдельные национальные объединения, которые ставят задачу поддержки развития национальных культур.

В поле зрения разработчиков проекта «Комплексной программы развития национальных отношений в Республике Дагестан на 2007 – 2010 годы» находились вопросы языковой политики. Существует федеральный закон «О языках народов Российской Федерации», существуют нормы, которые обеспечивают возможность на национальном языке получать образование и информацию. Видимо, в этой сфере сделано не все необходимое и высказываемые специалистами опасения о судьбе языков дагестанских народов связаны подчас не только с недостаточными условиями, а в значительной степени со всепроникающим воздействием мировых центров. В Комплексной программе предлагается разработка республиканской программы сохранения и развития языков, проведение республиканских олимпиад по родным языкам, традициям и обычаям народов Дагестана для учащихся школ.

Для национальной интеллигенции актуализирована проблема сохранения этнической самобытности народа, выражающаяся, в первую очередь, в сохранении национального языка, культуры, исторического и культурного наследия. Проблема сохранения национальных языков усилилась в контексте закона о языках народов России, где закреплено положение, что все языки народов России считаются неотъемлемым достоянием государства, призванного это достояние сохранять. Возникает вопрос: «Для чего это необходимо?» С точки зрения узко практической, может быть, никакой необходимости нет, несмотря на то, что знание национального (родного) языка, сопряженное со знанием и исполнением народных традиций, обычаев предоставляет человеку возможность стать полноценным членом общества. Данная проблема значима и для дидойской интеллигенции, поэтому по ее инициативе принята республиканская целевая программа, хотя финансово не закреплена, учреждена газета «Дидойские вести», ахваццы издают газету «Ашвадо»

Актуальность данного вопроса заставляет отечественных этносоциологов обратиться к ней и выявить пути возможного разрешения существующей проблемы. Соответственно, язык становится делом государственной важности. В этой связи возникает ряд вопросов: «Какие функции, присущие языку, представляются приоритетными при официальном определении его статуса?», «Какова эффективность того или иного закона о языке для государства, культурно-национальных образований, впрочем, и всего общества?», «Способствует ли язык внутриэтническому

сплочению?» В этой связи актуальным становится изучение существующих в языковой сфере тенденций.

В данной статье на основе результатов социологического исследования рассматривается этноязыковое поведение малочисленных дагестанских народов. *Характеристика социологического исследования.* Социологическое исследование по изучению этнической идентичности и этноязыковых процессов малочисленных дагестанских народов проведено в 2011 г. в районах их компактного проживания: Агульском (сс. *Хутхул, Тниг*), Ахвахском (сс. *Карата, Тадмагитль*), Ботлихском (сс. *Ботлих, Гагатли, Верхнее Годобери*), Бабаюртовском (сс. *Новый Борч, Кальял*), Кайтагском (сс. *Маджалис, Джирбачи*), Дахадаевском (с. *Кубачи*), Рутульском (сс. *Кина, Гемлец*), Цумадинском (сс. *Верхнее Гаквари, Тинди, Хонох, Хварши, Хуштада*), Цунтинском (сс. *Кидеро, Гутатли, Генух, Зехида*), Чародинском (с. *Арчиб*) районах, Бежтинском участке (сс. *Бежта, Гунзиб*). Методом случайного отбора опрошено в андо-цезской группе 1456 чел., даргинской группе – 255 чел. и лезгинской группе 512 чел.

В исследовании по изучению этноязыковой ситуации в республике (2011 г.) рассматривались существующие в языковой сфере тенденции.

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос
«Что необходимо сделать для сохранения национальных языков в республике?» (%)

Варианты ответов // Национальности	Принять Закон о языках народов Дагестана	Улучшить обучение родным языкам в школах	Увеличить количество теле- и радиопередач на национальных языках	У нас в республике нет проблем с национальными языками	Не знаю
Андийцы	45,0	15,9	17,5	7,5	5,0
Ахвахцы	18,2	50,0	20,5	0	6,8
Багулалы	12,0	52,0	32,0	12,0	4,0
Бежтинцы	42,4	27,3	18,2	6,1	0
Ботлихцы	15,4	19,2	26,9	23,1	3,8
Годоберинцы	12,5	42,5	2,5	5,0	10,0
Гинухцы	31,8	43,2	18,2	0	0
Гунзибцы	18,4	57,1	4,1	10,2	10,2
Дидойцы	13,5	21,6	13,5	18,9	16,2
Каратинцы	6,3	15,6	3,1	28,1	34,4
Тиндинцы	41,9	27,9	9,3	0	0
Чамалалы	21,1	44,7	21,1	15,8	2,6
Хваршины	31,6	39,5	5,3	13,2	0
Всего:	24,5	35,9	14,1	9,8	7,0

В республике национальной интеллигенцией неоднократно поднимается вопрос о необходимости обучения родным языкам в городских школах и принятия Закона о языках народов Дагестана, что прослеживается и в позициях респондентов. Небольшая их часть отмечает, что в республике нет проблем с национальными языками. Доля придерживающихся позиции, что в Дагестане не существует языковой проблемы, больше среди респондентов с высшим образованием (13,6 %) и, по сравнению с другими категориями, меньше в суждении, что для сохранения национальных языков необходимо принять закон о языках народов Дагестана (24,2 %). Наше исследование показывает, что нельзя связывать образовательный статус с деятельностью по сохранению специфики материальной и духовной культуры народа, заботу о сохранении культурного наследия проявляют люди и с низким образовательным статусом.

В связи с актуальностью сохранения и защиты национальных языков, особенно, малочисленных этносов, возникает вопрос: почему республиканские власти не спешат с принятием Закона о языках народов Дагестана, проект которого уже несколько лет лежит в Народном Собрании РД? Несомненно, принятие данного закона позволило бы покончить с неопределенным статусом бесписьменных языков, которым отказывают в статусе государственных. Однако, «это не значит, что окончательный текст закона будет в пользу бесписьменных языков – в этом направлении нужна большая и серьезная работа. Как научная, так и политическая. В настоящее время многие нормы записаны в Законе о языках народов России и можно пользоваться именно этими нормами, равно как и другими законодательными документами (хотя не все они учитывают специфику внутридагестанских проблем)» (Алексеев М.Е., 2007. С. 3).

На вопрос «*Нужна ли вашему народу письменность?*» представители андо-цезских народов ответили: «Да, это право каждого народа» (69,0%), «Нет, нам достаточно и разговорной речи» (17,3%) и безразличие проявили 9,4% (среди них наибольшая доля хваршин – 22,4%). Доля относящихся отрицательно к созданию письменности на национальном языке своего народа больше среди гинухцев (40,0%), годоберинцев (33,7%) и ботлихцев (25,9%).

Дагестанские лингвисты отмечают, что «новописьменные и бесписьменные языки малых народностей – большая проблема для нашей республики и очень болезненный вопрос. Конечно,

здесь тоже всё упирается в финансы. Но есть ведь ещё и здравый смысл! Зачем носителям малочисленных и одноаульных языков, к примеру, андийцам, годоберинцам, каратинцам своя письменность? Что им это даст? Для них испокон веков языком межнационального общения был аварский, да и лингвисты относят эту группу языков к одной ветви. Эти малые этносы необходимые слова говорят на аварском. Песни, плачи – всё на аварском!... Наш институт – это единственное место в Дагестане, где идёт работа по консервированию и сохранению бесписьменных языков. Это работа по составлению словарей, так как словарь – это самая главная книга народа. Мы для этих языков вводим алфавит, поэтому эти языки уже нельзя считать бесписьменными. Изданы словари. Это, конкретно, та работа, которую мы проводим по сохранению бесписьменных языков» (Сутаева Я., 2007. С. 19). Отношение к родному языку со стороны соседствующего народа его носителями воспринимается как отношение к этнической общности в целом. И в этом случае даже вербальное языковое поведение, не говоря уже о реальном, может явиться критерием характера межэтнических отношений.

Опрос по изучению этноязыковой ситуации выявил, что обучение на родном языке способствует «сохранению национальной культуры и традиций» (52,4%), «формированию современной национальной культуры» (18,7%), «существованию межнационального согласия и взаимопонимания в республике» (13,5%), среди них наибольшая доля гинухцев (47,7%), «сохранению согласия и взаимопонимания внутри одного народа» – 14,5% (36,8% чамалалов), «существованию терпимости между народами» (9,0%) и 6,8% «затруднились ответить».

Позиции родного и русского языков меняются в зависимости от сфер их применения: родной язык и общение на нем распространены «в семье» (71,7%), «в кругу друзей» (54,6%), «с представителями своей национальности» – 56,6%, (86,8% чамалалов, 79,1% тиндинцев, 64,0% багулалов) и значительно уменьшается доля использующих родной язык «в учебных заведениях» (4,4%) и «в государственных заведениях» (3,8%). Статус русского языка ослаблен в процессе общения «в семье» (4,8%), «с представителями своей национальности» (6,4%), «в кругу друзей» (23,3%) и доминирует «в государственных заведениях» (39,6%) и «в учебных заведениях» (49,8%). Общаться «с представителями своей национальности» на русском языке предпочитают ахвахцы (11,4%), багулалы (12,0%) и гунзибцы (14,3%); в семье на русском языке разговаривают 18,2% ахвахцев.

Языковая компетенция андо-цезских народов впечатляет: 72,3% «говорят, читают и пишут свободно на русском языке», 5,0% «только говорят», «не говорят, но понимают русский язык» – 4,8% (15,2% бежтинцев, 16,3% гунзибцев), 2,4% «вообще не говорят, не читают и не пишут на русском языке». Доля свободно владеющих русским языком колеблется в пределах от 88,6% (гинухцы) до 45,9% (цезы).

Ценностное отношение к национальному языку можно проследить по тому, какими информативными источниками пользуются респонденты, чтобы удовлетворять интерес к разнообразным сторонам национальной жизнедеятельности и культуры. Опрошенные **чаще читают** «на языке своей национальности и русском языках» (андо-цезская 46,5%, лезгинская 24,6%, даргинская 18,0%), «только на русском языке» (андо-цезская 23,5%, даргинская 54,5%, лезгинская 58,4%), «только на языке своей национальности» (даргинская 16,5%, андо-цезская 16,4%, лезгинская 1,1%), «на аварском и русском языках» (андо-цезская 8,3%). Впрочем, иного мнения и не ожидалось в республике, в которой русский язык является языком межнационального общения. Доля отметивших «только на языке своей национальности» среди цезов составляет 43,3%, кайтагов 26,5%; предпочитают читать «только на русском языке» бежтинцы (68,1%), кубачинцы (66,4%), цахуры (61,5%), агулы (60,4%), рутульцы (52,2%), андийцы (44,8%), гунзибцы (44,6%) и кайтаги (42,7%).

Далее языковое предпочтение респондентов выражено в ответах, что им **удобнее** читать «на русском языке» (36,1%), «на русском и родном языках» (29,9%), «на аварском и русском языках» (18,5%), «на родном языке» (14,7%) и «затруднились ответить» (8,2%). Приоритетность чтения на русском языке объясняется отсутствием у андо-цезских народов литературы на национальном языке, а также характерным им трехъязычием. В ответах респондентов проявляется отождествление своего национального языка с аварским, который они изучают в школе. Поэтому в суждениях «на русском и родном языках», «на аварском и русском языках», «на родном языке» проявляется то, что опрошенные читают на двух языках.

Ахвахцам (29,5%), багулалам (28,0%), годоберинцам (20,0%), гунзибцам (18,4%) удобнее читать книги, журналы, газеты «на родном языке»; предпочтение чтению на «русском и родном языках» отдают гинухцы (65,9%), ахвахцы (40,9%), багулалы (40,0%), тиндинцы (39,5%), хваршины

(36,8%) и гунзибцы (30,6%); «на русском языке» читают наибольшее количество каратинцев (71,9%); периодические издания «на аварском и русском языках» читают 24,2% бежтинцев, 24,3% цезов, 26,3% чамалалов, 31,6% хваршин и 55,0% андийцев. Рост этнического и связанного с ним языкового самосознания характерен практически всем дагестанским народам, поэтому в перестроечный период актуализировались значимость и престижность национальных языков, традиций, обычаев, в целом, всей символической системы, и более ярко данная тенденция проявляется у малочисленных народов.

Ценность родного языка выражается в том, из каких источников респонденты предпочитают черпать информацию о национальной жизни, культуре своего народа. Опрошенные информативными источниками считают «газеты и журналы, издающиеся на родном языке» (47,2%); «газеты и журналы, издающиеся на русском языке» (31,7%), из них 64,9% цезов, 50,0% хваршин, 44,2% тиндинцев, 40,8% гунзибцев; «теле- и радиопередачи на русском языке» (27,1%); «теле- и радиопередачи на национальном языке» (25,5%); «художественная литература на национальном языке» (20,5%), в том числе 72,7% гинухцев; «вообще не получают» (13,1%) и «художественная литература на русском языке» (11,6%).

Особенность языкового фона проявляется через призму подписки на периодические издания. Разница между суждениями «выписываю газеты на национальных языках» и «не выписываю газеты и журналы на национальных языках» статистически незначима – 34,9% и 34,3% соответственно; значительно снижается доля выписывающих одновременно газеты и журналы (13,7%), впрочем, как и только журналы (4,4%).

Очень важно влияние языка обучения в школе на значимость языкового компонента в структуре этнической идентичности. Активизацию национального языка можно найти в ответах на вопрос о языке обучения в школе. Как известно, статус его повышается или понижается в зависимости от того, ведется на нем обучение или нет (см. табл. 2).

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос
«На каком языке желательно обучать детей в школе?» (%)

<i>Варианты ответов // Национальности</i>	На национальном языке моего народа	На русском языке, т. к. он является языком межнационального общения	В начальных классах – на национальном языке моего народа, в старших классах – на русском языке	В начальных классах – на аварском /даргинском, в старших классах – на русском языке
Андийцы	16,4	51,5	12,7	17,0
Арчинцы	3,7	44,4	23,5	27,2
Ахвахцы	18,6	42,4	21,2	12,7
Багулалы	8,3	15,0	0	71,7
Бежтинцы	4,4	78,0	9,9	4,4
Ботлихцы	17,0	65,0	2,0	15,0
Годоберинцы	0	94,6	5,4	0
Гинухцы	0	90,8	6,9	2,3
Гунзибцы	4,3	69,6	9,8	15,2
Дидойцы (цезы)	12,0	48,7	7,3	30,0
Каратинцы	0	27,4	0	47,2
Тиндинцы	5,2	32,5	13,0	49,4
Чамалалы	3,8	32,5	10,0	46,3
Хваршины	13,1	32,4	10,3	42,8
Андо-цезская группа всего:	8,7	51,7	9,6	25,9
Кубачинцы	1,6	71,9	10,2	9,4
Кайтаги	17,1	60,7	13,7	10,3
Даргинская группа всего:	8,6	67,1	12,2	9,4

Агулы	7,2	61,3	27,0	0
Рутульцы	21,2	63,7	8,0	0
Цахуры	15,1	70,2	9,3	0
Лезгинская группа всего:	14,6	66,4	13,5	0

Приведенные данные показывают, что для большинства респондентов мотивацией обучения на русском языке является его высокий статус *«языка межнационального общения»* и доля выбравших другие суждения существенно ниже. По сравнению с другими опрошенными, придерживающихся позиции наладить обучение *«на национальном языке моего народа»* больше среди цезов, хваршин, андийцев, ботлихцев, кайтагов, рутульцев, цахур.

Оставить существующую в настоящее время форму обучения *«в начальных классах на аварском/даргинском, в старших классах на русском языке»* предпочитают арчинцы, андийцы, багулалы, каратинцы, тиндинцы, чамалалы, хваршины. В то же время для общественного мнения практически всех опрошенных народов не менее важно суждение *«в начальных классах – на национальном языке моего народа, в старших классах – на русском»*, за исключением ботлихцев, годоберинцев и гинухцев.

Рост этнического и связанного с ним языкового самосознания характерен практически для всех дагестанских народов, поэтому в перестроечный период актуализировалась значимость и престижность национальных языков, традиций, обычаев, в целом, всей символической системы, более сильно оно проявляется у малочисленных народов.

В лезгинской группе отношение к родному (национальному) языку неоднозначное, в частности, позиции сильно разнятся в подгруппах.

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос
«Какой язык вы считаете для себя родным?» (%)

Варианты ответов // Национальности	Язык моей национальности	Русский и язык моей национальности одновременно	Русский	Другое	Язык моей национальности и аварский одновременно
Андийцы	57,6	9,1	5,5		27,3
Арчинцы	51,9	1,2	2,5		43,2
Ахвахцы	39,0	26,3	10,2		21,2
Багулалы	15,0	8,3	1,7		75,0
Бежтинцы	41,8	38,5	1,1		16,5
Ботлихцы	46,0	38,0	1,0		15,0
Годоберинцы	15,2	78,3	1,1		5,4
Гинухцы	6,9	88,5	1,1		2,3
Гунзибцы	63,0	18,5	2,2	0	12,0
Дидойцы	59,3	12,7	24,0	0	2,7
Каратинцы	0	0	0	0	72,6
Тиндинцы	19,5	46,8	1,3	0	29,9
Чамалалы	35,0	16,3	1,3	0	47,5
Хваршины	26,9	14,5	4,1	0	54,5
Андо-цезская группа всего:	36,2	26,5	5,1	0	29,0
Кубачинцы	39,8	30,5	9,4	1,6	–
Кайтаги	60,7	26,5	9,4	2,6	–
Даргинская группа всего:	50,6	28,6	9,0	2,0	–
Агульский и Рутульский районы					
Агулы	27,0	64,9	4,5	0,9	–
Рутульцы	15,9	63,7	9,7	1,8	–
Цахуры	14,8	57,0	26,7	0,7	–
Всего:	18,9	61,7	14,4	1,1	–
Бабаюртовский район					
Рутульцы	74,7	21,3	9,3		–
Цахуры	90,0	2,9	4,3	0	–
Всего:	82,2	12,3	6,8	0	–
Лезгинская группа всего по всей выборке:	30,6	52,0	12,8	0,9	–

Приведенные в таблице результаты демонстрируют, что национальный язык не всегда занимает лидирующую позицию в иерархии этнических компонентов. Сильно отличаются позиции цахур, проживающих в Рутульском районе и по значимости определяющих статус русского языка довольно высоко по сравнению с другими подгруппами. Если андо-цезская и даргинская этнические группы этноинтегрирующим элементом считают национальный (родной) язык, за исключением годоберинцев, то лезгинской группе характерен билингвизм. Более того, если бабаюртовская группа высоко оценивает статус своего родного языка, то в другой подгруппе разница между позициями «язык моей национальности» и «русский» составляет всего 4,5%.

Наше исследование констатирует, с одной стороны, что национальный (родной) язык является одним из значимых идентификаторов в структуре этнической идентичности, с другой стороны, статус национального языка выглядит несколько «размытым», ибо информативными источниками для респондентов являются издания на русском языке, а также предпочтение респондентов обучение вести только на одном – русском языке. Сведение респондентами функций родного языка на уровень обыденного общения не улучшает позиций национальных (родных) языков. Таким образом, можно сделать вывод, что два этноопределятеля (этническое самосознание и национальный язык) у исследуемых народов не совпадают, и это свидетельствует

о том, что: 1). Происходят процессы эрозии этнической идентичности, 2). Слабы позиции сформированности и зрелости этнической идентификации.

Доминирование русского языка не только в производственной и общественно-политической, но и в семейной сфере свидетельствует о сохранении угрозы этноязыковой ассимиляции. Надо полагать, что в городской местности данные процессы протекают еще болезненней, ибо русский язык уже занимает господствующее положение в семейно-бытовой сфере. В условиях такого всеохватывающего проникновения русского языка во все сферы жизнедеятельности, при одновременном ослаблении позиций родных языков, даже в бытовой сфере, возникает закономерный и вполне обоснованный вопрос: «Нельзя ли ослабить роль и изменить позиции русского языка в современном дагестанском обществе?». По мнению Н.С. Джидалаева, «нельзя и невозможно хотя бы только потому, что русский язык в Дагестане является республикообразующим языком – в том смысле, что если бы не русский язык, не было бы самой Республики Дагестан. Именно и только русский язык объединяет все равноправные коренные народы в единую, одинаково общую для всех народов республику и удерживает их в одной единой республике... Занимая прочное место основного общереспубликанского языка, русский язык объективно нейтрализует возможные желания со стороны общественности носителей того или иного языка (того или иного народа) повысить общественный статус своего или какого-нибудь другого мирового языка до уровня общереспубликанского языка. И тем самым русский язык, предупреждая возможные межнациональные споры и конфликты, выступает гарантом межнационального согласия и стабильности в республике. Чтобы избежать отрицательное влияние русского языка на дагестанские языки, нужно не ограничивать место и роль русского языка в жизни Дагестана и дагестанцев. Для этого необходимо расширить место родных языков в жизни дагестанцев, особенно, подрастающего поколения, а для этого найти новые и соответствующие реальной ситуации пути и способы приобщения дагестанцев к родным языкам, родной литературе, фольклору» (Джидалаев Н.С., 2002. С. 1–2).

Автор разделяет мнение Н.В. Барышникова, что «развитие, ренессанс миноритарных языков должен осуществляться не в ущерб русскому как государственному и однопациональному языку страны, а параллельно, в комплексе с ним. В этом простом правиле видится взвешенное решение сохранения и поддержания двуязычия в многоязыковой и поликультурной среде, а также главный вектор языковой адаптации вынужденных переселенцев» (Барышников Н.В., 2007. С. 66). В данном направлении республиканской власти необходимо проведение языковой политики, не ущемляющей статус ни одного национального языка, выработать механизм уравнивающий статус национальных языков со статусом русского языка.

Выводы:

1. Присутствие в массовом сознании мнения, что плохое владение русским языком создает существенные препятствия для получения качественного высшего образования, следовательно, уменьшает возможности для карьерного роста, обуславливает низкий статус национальных языков, по сравнению с русским. Стремление искусственно снизить статус русского языка в дагестанском обществе бесперспективно, ибо русский язык способствует сохранению целостности Дагестана. Существенным фактором в развитии и сохранении национального (родного) языка малочисленных дагестанских народов является повышение их языкового самосознания, престижа национального языка, которое означает осознанное отнесение себя к этноязыковой общности, ориентацию на включенность в языковую среду этноса. Функциональное восстановление национального языка в полном объеме, обеспечение его широкого распространения в своей этнической общности возможно благодаря усилиям представителей каждого народа, активное пользование родным языком носителями оно.

2. Подход к определению статуса национальных языков у опрошенных нами представителей малочисленных дагестанских народов достаточно противоречив и является следствием отсутствия официального статуса андо-цезских народов, а также кубачинцев и кайтагов. Без определения этнополитического статуса народы в составе андо-цезской и даргинской группы, несмотря на их стремление, не могут добиться придания официального статуса национальным (родным) языкам, соответственно, и наладить на своем родном языке обучение в школах, поэтому необходимы законодательные меры по защите этнического многообразия (в особенности, малых народов). Для сохранения национального языка важны издание на нем газет, журналов, художественной и учебной литературы, а также изменение структурной организации радио- и телевидения. Всякого рода ограничения, которым подвержены названные сферы деятельности, в

конечном итоге, определяют неудовлетворительное качество культурного продукта. Тенденция к деградации языков пока, к сожалению, не преодолена.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев М.Е.*, 2007. Меня радует социальная активность дидойцев // Дидойские вести. 27 июля. № 25–28.
- Барышников Н.В.*, 2007. Языковая ситуация на Северном Кавказе в контексте миграционных процессов // Русский язык как государственный язык Российской Федерации и языковая политика в современном мире. СПб.
- Всесоюзная перепись населения 1926 г.: Северо-Кавказский край. Ростов н/Д. 1926.
- Багжников Б. Х., Шогенов А. А.*, 2000. Кризис национальных языков России. Языки народов России: перспективы развития. Материалы международного семинара. Элиста.
- Гамзатов Г.Г.*, 2001. Гунзибско-русский словарь. М.
- Гаджиев А.С.*, 1981. Великий русский язык – средство межнационального общения и приобщения народов Дагестана к достижениям научно-технической революции. Махачкала.
- Джидалаев Н.С.*, Язык – дело тонкое и очень весомое для любого этноса // Дагестанская правда. 2 августа. 2002.
- Добрушина Н.Р.*, 2008. Язык и этничность малого народа: быть или не быть // Социологические исследования. № 11.
- Сергеева Г.А.*, 1967. Арчинцы. М.
- Ибрагимов М-Р., Лугуев С.*, 1995. Андо-цезы: вчера, сегодня, завтра // Возрождение, № 5.
- Каймаразов Г.Ш.*, 1971. Очерки истории культуры народов Дагестана. М.
- Красная книга языков народов России: энциклопедия. Словарь-справочник. М., 1994. С. 16, 17, 18, 30, 61, 63, 64.
- Революция и национальность. 1930. № 2.
- Самурский Н.*, 1927. Итоги перспективы Советской власти в Дагестане. Махачкала.
- Соколовский С.В.*, 2010. Международный опыт имплементации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств // Этнографическое обозрение, № 4.
- Сутаева Я.*, 2007. Город – это кладбище для... // «Черновик» от 23 февраля, № 8.
<http://bujet.ru/article/58796.php>.
<http://www.tsumada.ru/en/text/143>.